

с правдой эмпирической.¹⁰ Мудрый ответ Авдотьи является тем единственным решением загадки, которое требовалось по логике сюжета. В вариантах успех Авдотьи объясняется психологически: упоминание ею брата вызывает воспоминание у Бахмета о том, как во время нашествия на Рязань у него убили «милого братца любимого, славного пашу турецкого», и он, якобы тронутый этими воспоминаниями, отпускает с Авдотьей весь полон. Возможно, что такое психологическое объяснение не принадлежит исконной форме песни; во всяком случае оно не представляется необходимым, если учесть обязательность единственного выбора.

Историко-песенный фольклор XIII—XIV вв. знал и другие случаи обращения к опыту народной сказки, причем — что характерно — все они связаны с сюжетами, в которых главную роль играют женские персонажи. Здесь нет возможности подробно излагать материал, укажу только, что речь идет о песнях, которые занимают промежуточное положение между историческими и балладными: «Князь Роман и Марья Юрьевна»,¹¹ «Девушка спасается от татар»,¹² «Мать встречает дочь в татарском плену».¹³ Можно было бы показать, что обращение к традициям сказки в этих произведениях обусловлено в первую очередь тем, что все они, как и «Авдотья Рязаночка», являлись во многих отношениях новыми, необычными для песенного фольклора; в них открывались такие стороны действительности, ставились такие проблемы и выдвигались такие герои, которых эпос не знал. Не знала их, по существу, и сказка; но народное творчество обнаружило в сказке определенные художественные элементы, переработка которых в духе новых поэтических задач была по-своему плодотворной. Под воздействием сказки сложились в историко-песенном фольклоре (как позже в книжной литературе) обаятельные образы простых русских женщин, в которых не было ничего от эпической фантастики и гиперболы, в которых высокие черты народного характера — нравственная стойкость, самоотверженная преданность большой цели, ум и терпение — раскрывались и через поэтически вымышленные (в сказочной манере) мотивы, и через бытовые и психологические подробности.

В ряду этих фольклорных образов Авдотья Рязаночка по праву занимает первое место. Песня об Авдотье Рязаночке непосредственно соприкасается в плане идейно-тематическом с кругом песен о татарском полоне, которые были созданы, надо думать, несколько позже, уже в условиях татарского ига. При всем сюжетном разнообразии этих песен их роднит одна характерная особенность: общенародного значения тема — страдания русских людей под игом татар — раскрывается здесь через изображение судьбы одной семьи. Судьба эта всегда трагична: девушку татары увозят из родного дома; полонянка просит родителей выкупить ее из неволи; брат отбивает сестру у татар; мать, взятая в плен, находит дочь и внука... Татарское иго предстает в этих песнях как жестокая сила, которая неожиданно врывается в жизнь семьи, исторгает людей из родной среды. Свобода ассоциируется здесь с возвращением на родину. Герои песен ведут

¹⁰ Мотив выбора брата может быть рассмотрен как очень архаичный, отражающий пережитки бытовых отношений и представлений родового общества. Вопрос этот не имеет, впрочем, прямого отношения к уяснению содержания песни, но он интересен в плане изучения генезиса тех художественных традиций, которые питали старшую историческую песню.

¹¹ См., например: А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 117 (№ 421).

¹² Живая старина, 1905, в. III—IV, стр. 293—294, 336—337.

¹³ См., например: Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Л., 1936, №№ 67, 68; Песни, собранные П. В. Киреевским, в. VII, стр. 190—207.